

ХАБЕРМАС И ЛУМАН: ДВА ПОДХОДА К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОЦЕССОВ КОММУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В.М. Лоскутникова

Современное состояние социальной теории можно охарактеризовать как кризисное. Кризис социальной теории обусловлен множеством факторов – как внешних, так и внутренних. Внутренние факторы, предопределяющие кризис современной социальной теории, фундированы кризисом самих оснований. Кризис философских оснований современной социальной теории объясняется теми трудностями, которые возникают в социальных исследованиях при попытке создания аутентичной теории общества, которая, с одной стороны, определяет структуру и типичу социальных процессов, с другой – позволяет осмыслить сущность и специфику тех преобразований, которые происходят в современном информационном обществе. Классические социальные теории, к которым можно отнести концепцию К. Маркса, Критическую теорию Т. Адорно, М. Хоркхаймера, Г. Маркузе и т. д., структурно-функциональный подход Р. Мертона, Т. Парсонса и других, базируются на идее определенной устойчивости социальных систем, что делает возможным понимание сущности социальных процессов. Кризис классической философии, развитие постмодернистских тенденций в современной культуре инициировали появление идей деконструктивизма в современной философии. Отказ от субстанционализма как определяющего принципа построения социальной теории приводит к потере незыблемых оснований философского конструирования, и, в конечном счете, ставит под вопрос саму возможность объективного социального познания.

Осознание кризиса социальной теории становится очевидным вследствие влияния внешних факторов, а именно, изменения и трансформации самой социальной реальности, которое происходит в 70–80 годы XX в. Процесс перехода от индустриального к постиндустриальному, или информационному, обществу ставит под вопрос возможность понимания современных форм социальности с позиции социальной теории. Непрерывно меняющиеся реалии информационного общества не могут рассматриваться с позиций классической теории, поскольку социальная теория полагает общество как некую определенность, доступную рациональному описанию.

Классическая социальная теория сформировалась в рамках парадигмы индустриального общества, и, соответственно, теоретические построения обусловлены спецификой самой социальной реальности, которая репрезентируется в теории «организованного модерна»: «Последний представлял собой социетальную конфигурацию, составные элементы которой накапливались еще с XIX в., но которая окончательно оформилась только после Второй мировой войны. Основная черта «организованного модерна» состояла во всеобъемлющей конвенциализации социальных практик, что являлось средством уменьшения общественной неопределенности, вытекающей из автономии действующих индивидов, путем канализации действий на основе принципов социальной приемлемости и функциональности. В экономической сфере «организованный модерн» представлял собой «фордизм» как специфическую модель организации социально-экономических процессов, основанную на социальном компромиссе между капиталом, трудом и государством. В политической – «организованную демократию» как форму эффективной институционализации спонтанной политической активности. В интеллектуальной – «коалицию за модернизацию», объединявшую политико-административную элиту и интеллектуалов, переориентировавшихся с дистанцированного наблюдения на теоретическое фундирование социальных технологий» [5].

В качестве аутентичного способа описания общества выступает критическая теория общества, представленная, прежде всего, в трудах представителей франкфуртской школы (Т. Адорно, М. Хоркхаймер), и системная теория общества функционалистского типа (Э. Дюркгейм, Р. Мертон, Т. Парсонс). Однако с переходом общества к информационной модели развития возникает необходимость создания теории, адекватно описывающей коммуникативный характер информационного общества. Переход от индустриального к информационному обществу, формирование информационной инфраструктуры общества приводят к тотальному изменению форм социальности, которое не сводится только к множеству социальных взаимосвязей, а определяется коммуникативным характером самой социальной реальности. Таким образом, описание современных социальных процессов с позиции традиционных теорий оказывается невозможным хотя бы в силу того, что анализ социальной проблематики предполагает обращение к теории коммуникации.

Развитие современной социальной теории предполагает актуализацию коммуникативной проблематики, когда общество рассматривается не как некая социальная конструкция, а как коммуникативный механизм, определяющий не только динамику, но и сущность социальных процессов. Интерпретация сущности социальных процессов с позиции

теории коммуникации отражает реалии информационного общества и позволяет выявить патологии, возникающие в современном коммуникативном пространстве. Таким образом, сущностные особенности социальных процессов эксплицируются путем анализа механизмов коммуникации, когда коммуникативное пространство предстает как аутентичная форма социальной реальности. Следовательно, коммуникативное пространство есть форма репрезентации социальной реальности, поскольку коммуникативное пространство отождествляется с социальным и типика социальных процессов выявляется путем исследования современных механизмов коммуникации.

Исследование социальных процессов с точки зрения коммуникации представляет собой базовую интенцию социальных наук, что приводит к образованию множества моделей коммуникации. На наш взгляд, можно выделить две тенденции в исследовании современной коммуникации – футурологический и социально-философский подходы к коммуникации.

Футурологические модели коммуникации появляются вследствие развития информационных технологий и формирования информационной инфраструктуры общества. Информатизация социального пространства инициирует появление новых форм коммуникации – электронной коммуникации, что приводит к изменению характера и форм современной коммуникации. В рамках футурологического подхода, который представлен в работах Д. Белла, У. Дайзарда, И. Масуды, М. МакЛюэна, Н. Постмана, Г. Стоуньера и т. д., коммуникация отождествляется с развитием коммуникативной инфраструктуры информационного общества. Предметом анализа является имманентное содержание коммуникации, которое определяется механизмами коммуникативного пространства. Следовательно, основная проблема исследования коммуникации в рамках данного подхода сводится к проблеме исследования механизмов управления коммуникации. При этом не артикулируется вопрос о сущности коммуникации, так как коммуникация понимается в аспекте развития технического потенциала информационного общества. Социальные основания коммуникативного действия остаются вне поля зрения. Это обстоятельство затрудняет исследование патологий коммуникации, так как в данной традиции они обусловлены, прежде всего, техническими причинами. Философские основания коммуникативного взаимодействия остаются непроясненными.

Наряду с футурологическим подходом к коммуникации сегодня получает развитие социально-философский подход. Несмотря на многообразие моделей коммуникации в современных социальных исследованиях, можно выделить две наиболее значимые, на наш взгляд, концепции

коммуникации – теорию коммуникативного действия Ю. Хабермаса и системную теорию Н. Лумана. Выбор персоналий не случаен, по сути дела, речь идет о преемственности традиций, которую можно наблюдать в работах Хабермаса и Лумана. Если теория коммуникативного действия фундирована идеями франкфуртской школы, то концепция Лумана представляет собой некий синтез системной теории общества и теории коммуникации. Следовательно, кризис социальной теории свидетельствует скорее об определенной трансформации самого способа социально-философского анализа, нежели об отказе от концептуализации общества в целом.

В своем роде данные модели коммуникации знаменуют собой определенный поворот в развитии социальной теории, когда в качестве основания исследования выступают не репрезентативные формы социальной реальности, а механизмы коммуникации. Можно говорить о преемственности социальных исследований в плане традиций и о трансформации самого способа философствования. Трансформация сущности социально-философского анализа не снимает вместе с тем проблему аутентичного описания социальных процессов. Напротив, процесс информатизации социального пространства делает необходимым исследование социальных процессов с позиции теории коммуникации. Проблема заключается в выборе такой модели коммуникации, которая описывает сущность коммуникативных процессов в информационном обществе. В этом смысле Луман и Хабермас задают различные способы концептуализации коммуникации, что обусловлено различием философских оснований. Проблему данного исследования можно обозначить как поиск аутентичного описания современной коммуникации путем сравнительного анализа двух подходов к коммуникации.

Концепции Лумана и Хабермаса изначально противопоставляются друг другу: оппозиция обусловлена не только различием философских подходов, но и тем, что данные концепции определяют две основополагающие интенции в исследовании коммуникации: коммуникация как феномен языка и коммуникация как система. Современные модели коммуникации артикулируют различные аспекты данных подходов к коммуникации, когда коммуникация интерпретируется либо с позиции лингвистической теории коммуникации, либо в рамках теории систем. Возникает вопрос, являются ли исчерпывающими данные подходы к коммуникации? Насколько обосновано противопоставление системной теории и теории коммуникации?

Противопоставление теории коммуникации и системной теории общества базируется на различии онтологических оснований. Хабермас, продолжая традиции франкфуртской школы и марксизма в целом, рас-

смачивает общество в парадигме общественных отношений. Однако понимание специфики социальных процессов с позиции классовой борьбы оказывается невозможным в эпоху «позднего капитализма» [8]. Как отмечает Дитлив Хорстер, «вопреки традиции франкфуртской школы, Хабермас исследовал отношения между базисом и надстройкой, жизненным миром и системой или производственными отношениями и нормативной областью как автономные. В этом смысле он выступает скорее приверженцем кантовской традиции, рассматривая общество с позиции нормативных оснований» [10, с. 14].

Анализируя эволюцию современного общества, Хабермас определяет его как общество модернового типа, которое функционирует на стыке системы (имеется в виду капиталистический способ производства) и жизненного мира, причем сферы экономики и пространство жизненного мира переплетаются таким образом, что формирование нормативных механизмов социального управления определяется взаимодействием данных подсистем. Примечателен тот факт, что марксистские схемы анализа, фундированные схемой капиталистического обмена и соответствующих им процессов овеществления, не являются основой для дальнейшего конструирования. Экономические отношения в процессе обмена и государственного регулирования укоренены в глубинных слоях жизненного мира. На основе данного тезиса Хабермас совершает методологический поворот, который знаменует собой разработку теории коммуникации: «Я не хочу здесь углубляться в сложную проблему того, как изменяются правила построения модели социального неравенства в период позднего капитализма. Меня больше интересует, каким образом возникает новый тип эффекта овеществления, который не является специфически классовым, и почему эти эффекты (прошедшие, конечно, дифференцированный отбор и профильтрованные через сито социального неравенства) сегодня проявляются, прежде всего, в коммуникативно структурированных сферах действия» [6].

Таким образом, Хабермас исходит из традиционной марксистской схемы анализа общества, нормативные основания которой фундированы глубинными основаниями. Любые социальные процессы (будь то политические или экономические) функционируют в пространстве культуры, понимаемой как пространство жизненного мира. Жизненный мир является тем беспредпосылочным основанием, которое обуславливает как формы социальности, так и способы ее интерпретации. Можно утверждать, коммуникация сама является исторической формой, возникающей в культуре и отражающей ее особенности, при этом жизненный мир в принципе не может интерпретироваться в категориях системы. Любые конструкции фундированы пространством жизненного мира,

поэтому рассмотрение коммуникации невозможно в категориях и терминах системной теории, будь то марксизм или синергетические модели коммуникации: «Эти квази-априорные структуры («квази» уже хотя бы в силу утраты интеллигибельной чистоты вследствие их воплощенности в повседневных коммуникативных практиках), структуры, являющиеся необходимыми предпосылками осмысленной коммуникации, в свою очередь могут артикулироваться только в современном – жизненном мире (тем самым, эти предпосылки коммуникации в терминологии Фуко могли бы быть названы «историческим априори»). Иными словами, роль, которую в философии играло прежде трансцендентальное сознание, у Хабермаса выполняет жизненный мир. Тогда на место трансцендентального субъекта, обеспечивающего связность опыта, приходит многообразие конкретных форм жизни, охваченных бессубъектным единством жизненного мира. Для полноты картины следует добавить еще и то, что современный жизненный мир как квази-трансцендентальная инстанция, будучи продуктом социальной эволюции, сам оказывается у Хабермаса историчным» [5].

По мнению Хабермаса, аналитике репрезентативных форм социальной предшествует исследование коммуникативных процессов повседневности. В этой связи артикулируются концепты, предшествующие описанию форм социального действия: культура, традиция, жизненный мир и т. д. Процессы повседневной коммуникации оказываются тем непреложным базисом, который определяет характер и типичу социальной предшествующей теории коммуникации модель «общественности» описывала репрезентативные формы социальной, отражающие развитие «практического Разума» в западно-европейском пространстве [9]. Процессы общественной эмансипации в современных обществах инициируют развитие коммуникативных механизмов в пространстве жизненного мира, отражая тем самым процессы рационализации в общественном сознании.

Итак, кризис марксистской методологии и влияние современных концепций общества на концептуальные построения Хабермаса способствовали повороту «парадигмы сознания» к «парадигме языка» [9]. В своей работе «Философский дискурс современности» Хабермас анализирует пути развития современной философии, общий лейтмотив можно озаглавить как поворот к языковой философии, и соответственно, актуализацию лингвистических методов в философии и социальных науках в целом. Хабермас указывает на то, что традиционное для постмодернистской философии понимание языка как некоего эстетического единства не отражает по сути дела тех трансформаций, которые происходят

в философии. Язык есть не способ описания действительности, а репрезентация таковой [8].

Хабермас исходит из того, что классическое противопоставление действия и представления изначально ошибочно, язык отражает формы действия и представления, типичные для социума, соответственно предметом анализа являются коммуникативные механизмы языка, которые эксплицируются в процессе рациональной реконструкции. Коммуникация есть не внешний по отношению к языку механизм, а структура, изначально присущая пространству языка. Специфика и цель коммуникации определяются телеологической структурой языка, а именно направленностью на понимание, понимание есть «телос языка» [9]. Причем в качестве объекта анализа выступает язык в прагматическом измерении, т. е. речь. Вслед за Витгенштейном Хабермас обращается не к анализу языковых структур, а исследует реальное воплощение языка в речи. Хабермас полагает, что мы можем исследовать языковые формы только посредством коммуникации, поскольку именно в речи заложены те механизмы понимания и действия, полагающие язык в качестве символического средства человеческого общения.

Субъекты вступают в коммуникацию для того, чтобы достигнуть согласия относительно притязаний на значимость: «Рассмотрим языковой акт. Он состоит из двух частей. В первой части (пропозициональной) я делаю предположение относительно того, что я признаю значимым в мире и о чем сообщаю в высказывании. В своем притязании я нахожусь в некотором интересубъективном отношении. Для этого служит вторая часть высказывания – иллокутивная, в которой я отражаю экспрессивное отношение полагаемому мной смыслу» [10, с. 16]. Иначе говоря, посредством языка субъекты соотносят свои представления о мире и координируют свои действия. Возможность такого соотнесения базируется на том, что в пространстве языка имплицитно положены механизмы, определяющие процесс понимания. Хабермас развивает идею Апеля об универсальной прагматической конструкции языка, которая в концепции Хабермаса тематизируется как «универсальная прагматика языка». «Концепция универсальной прагматики Хабермаса базируется на том основании, что не только фонетические, синтаксические, семантические особенности языковых предложений, но и прагматические признаки внешних проявлений высказывания доступны рациональной реконструкции в универсальном контексте языка. Это означает, что субъект обладает не только лингвистической компетенцией, но и коммуникативной компетенцией» [7, с. 312].

Это означает следующее: в процессе социализации, которая реализуется в коммуникативном пространстве, субъекты постигают способы

достижения взаимопонимания, причем речь идет о латентных, скрытых, невербализируемых механизмах, исследование которых возможно лишь путем рациональной реконструкции. Эти правила, составляющие универсально-прагматическое ядро языка, не идентичны грамматическим правилам, так как речь идет собственно о принципиально различных сферах языка. Коммуникации, как и языку, присущи механизмы, обуславливающие процесс взаимопонимания. Эти механизмы субъект постигает неосознанно, они предшествуют любой коммуникации, трансцендентны, имеют форму чистого *apriorie*.

Следовательно, в процессе коммуникации субъекты постигают правила и способы достижения взаимопонимания. Коммуникация разворачивается в реальной социальной практике, при этом субъекты опираются как на неявный образ мира, служащий горизонтом восприятия, так и на актуальные процессы восприятия. Для достижения взаимопонимания субъекты обращаются к средствам языка, способствующим достижению согласия. Способность к коммуникации Хабермас называет «коммуникативной компетенцией», универсальный характер которой обусловлен общностью коммуникации, однако овладение данной способностью сугубо индивидуально: «В частности, Хабермас, в отличие от своего многолетнего партнера по теоретическому поиску Апеля, сознательно ориентируется на “снятие” традиционной трансцендентальной установки философии в стратегии реконструктивного исследования, нацеленного на выявление и анализ “прагматических универсалий” — всеобщих условий возможности осмысленной межличностной коммуникации. Всеобщие предпосылки коммуникативного опыта связываются Хабермасом с системой трех “мироотношений” (отношений к объективному, социальному и субъективному мирам) и системой соответствующих притязаний на значимость, которые мы выдвигаем своими речевыми актами (на пропозициональную истинность, нормативную правильность и субъективную искренность). Притязания на значимость, по Хабермасу, подобны двуликому Янусу: с одной стороны, они, в силу своей универсальности, трансцендируют любую локальную коммуникативную ситуацию, с другой же, они должны выдвигаться и достигать признания в фактическом “здесь и сейчас”, поскольку они должны выполнять миссию координации действий участников повседневной практики» [5].

Подводя итоги вышесказанному, можно сделать вывод: коммуникация представляет собой универсальную форму социальности, которая изменяется в историческом контексте. В качестве единой модели социальности коммуникация имеет нормативный и эмпирический аспекты. Поскольку телосом языка является взаимопонимание, то идеальная мо-

дель общения имплицитно заложена в языке. В реальной коммуникации происходит отклонение от нормативной схемы в силу ряда причин как субъективного характера (например, мотивация, целеполагание субъекта), так и объективного (препятствия коммуникации, внедрение системных механизмов в пространство межличностной коммуникации и т. д.). Правила и нормы коммуникативного взаимодействия имеют априорный характер, таким образом, возможна трансляция знания в обществе, культурная преемственность в целом. Условия взаимопонимания заложены в структуре речи: субъект переводит языковые конструкции в адекватную для понимания форму, причем делает это не произвольно, а согласно коммуникативным нормам языка. Субъект переводит речевые конструкции неосознанно, по сути дела любая коммуникация есть своеобразный «перевод» языковых высказываний, способствующий достижению взаимопонимания. Таким образом, Хабермас в духе критической теории и марксизма в целом рассматривает коммуникацию с позиций нормативных оснований: понимание как цель коммуникации задает нормы коммуникативного взаимодействия, субъекты используют различные средства языка, чтобы достичь взаимопонимания.

Следовательно, искажения, возникающие в коммуникации, обусловлены наличием внешних по отношению к коммуникации целей и намерений. Прагматические цели, интересы, которые преследуют субъекты в процессе межличностного взаимодействия, приводят к искажению коммуникации. Таким образом, схема идеальной коммуникации заложена в самом языке, исследование реальных коммуникативных процессов происходит путем выявления отклонений от нормативной модели коммуникации. Теория коммуникативного действия путем рациональной реконструкции описывает внутренние механизмы социальной коммуникации в аспекте исследования процесса модернизации общества.

Исходя из этого, теория коммуникации позволяет, с одной стороны, эксплицировать универсальные механизмы коммуникации, с другой – рассматривать коммуникацию в аспекте тех преобразований, которые происходят в современном обществе: «Сам Хабермас кладет в основу теоретического понимания социальной жизни не материальные производительные силы, обеспечивающие поступательное преобразование природы человеком, а “производительную силу коммуникации”, сплетающей социальную ткань и обеспечивающей ее поступательную рационализацию. Именно коммуникативное действие, в котором координация планов действия участников осуществляется через механизмы взаимопонимания в среде естественного языка, обеспечивает воспроизводство общества как “жизненного мира”». Наряду с естественным язы-

ком ключевую роль в концепции Хабермаса играют такие символические медиумы интеракций, как власть и деньги: они опосредуют социальные практики в подсистемах стратегического действия и обеспечивают воспроизводство общества как «системы»» [5]. Возникает вопрос, насколько данный подход к коммуникации отвечает претензиям на универсальность? Возможно ли рассмотрение современной проблематики в аспекте теории коммуникативного действия, является ли она аутентичным способом описания тех процессов, которые происходят в информационном обществе?

Хабермас, определяя контуры теории коммуникации, опирается на понятие жизненного мира, концепт системы выступает в качестве одной из характеристик современного общества, но не определяющим основанием. Однако, анализируя характер современных социальных процессов, следует отметить, что информатизация современного общества приводит к усилению системных свойств социального пространства или «жизненного мира». В теории коммуникативного действия системность не является смыслополагающим фактором коммуникации, смысловые аспекты коммуникации фундированы пространством жизненного мира. Поэтому вопрос может быть поставлен таким образом: сущность коммуникации определяется трансцендентными механизмами языковых структур и в этом смысле обладает некой типикой либо определяется имманентными свойствами реальной коммуникации, происходящими в пространстве некой системы. В качестве теории, артикулирующей системные свойства коммуникации, выступает концепция Лумана. Хабермас и Луман изначально исходят из принципиально различных установок: если Хабермас пытается сохранить установку на «универсализм» коммуникации, то Луман выстраивает модель коммуникации в рамках системной теории общества.

По мнению Лумана, универсалистская концепция философии исчерпала себя. Абстрактные понятия, которыми оперируют современные исследователи, в действительности не отражают реального положения дел. Тезаурус классической социальной теории неприменим к исследованию современного общества хотя бы потому, что описание социальных процессов с позиции современной социальной теории не отражает реального положения дел. В качестве преодоления кризисной ситуации, сложившейся в социальных науках, Луман выдвигает тезис о необходимости изменения самой познавательной установки, когда общество рассматривается в рамках теории систем. Концептуальные основания классической социальной теории задают устойчивые параметры исследования общества, однако общество есть система, динамика которой описывается через взаимодействие с окружающим миром. Определяя динами-

ку развития системы, субъект в состоянии дать дескриптивный анализ, исследование общества есть описание, поскольку лишь субъекты обладают свойством «самореференции», то общество является «самоописывающимся объектом» [3].

Основная проблема исследования общества – осознание характера различения системы и окружающего мира: «При этом понятие производства (или понятие «*poesis*» в отличие от понятия «*praxis*») выбрано сознательно, так как оно предполагает различение в качестве формы и допускает, что произведение может быть изготовлено также и тогда, когда производитель не может сам создать все необходимые для этого причины. Как легко можно заметить, это подходит для различения системы и окружающей среды. Система располагает внутренними и внешними причинами производства своего продукта, а внутренние причины можно задать таким образом, что возникнут достаточные возможности для комбинации внешних и внутренних причин» [3].

По мнению Лумана, важнейшим аспектом исследования функционирования системы является момент различения системы и окружающего мира, причем для Лумана в качестве окружающего мира выступают как природа, так и культура. Для понимания системы важно прояснение механизмов различения, которое в сущности и определяет действия самой системы: «Однако сама система является производимым производением, или точнее, формой системы, различением системы и окружающей среды. Именно это обозначается понятием аутопойесиса. Оно введено эксплицитно в противоположность возможному понятию аутопраксиса» [3].

Каким образом исследователь получает информацию о процессах, происходящих в системе? Если установка Лумана предполагает отказ от таких фундаментальных понятий социальной теории, как субъект, рациональность, то таким образом Луман отказывается от понятия социального действия? Полагая действие смыслоопределяющим фактором социального действия, задача исследования сводится к экспликации и понимания личного смысла, имеющего социальное происхождение. Луман принципиально отказывается от такой установки, определяя в качестве предмета исследования коммуникацию, но рассматривает коммуникацию не в аспекте смыслополагания, а в качестве независимой, объективирующей формы социального взаимодействия: «Лишь с помощью понятия коммуникации социальную систему можно мыслить как аутопойетическую систему, которая состоит из элементов, а именно из коммуникаций, производящих и воспроизводящих себя посредством сети коммуникаций. Таким образом, теоретическое решение в пользу воззрения на общество как на аутопойетическую систему и в пользу характери-

стики операций, воспроизводящих систему, как и коммуникаций, должно быть принято изначально. Они взаимно обуславливают друг друга. Это означает также, что понятие коммуникации становится решающим фактором для понятия общества» [3].

В таком понимании мы не можем говорить об основаниях коммуникации, в качестве которых могут выступать повседневность, жизненный мир, социальная система общества и т. д. Коммуникация предстает как результат деятельности, однако деятельности самой коммуникации. Коммуникация в обществе воспроизводит самое себя, поэтому речь идет, прежде всего, о внешнем описании характера и специфики коммуникации, а не экспликации внутренних, латентных механизмов коммуникативного действия. В качестве предметов исследования выступают три аспекта коммуникации: это различение информации, сообщения и понимания. Исследование различных аспектов коммуникации позволяет описывать реальное состояние коммуникации, причем речь идет не об имманентной коммуникации. Коммуникации как факторы действия системы вступают в отношения друг с другом. По мере развития этих отношений коммуникации могут быть отклонены, возможны случаи неудачной или несостоявшейся коммуникации.

С точки зрения Лумана, коммуникацию вообще нельзя рассматривать с позиций должного: с позиций идеалов, внутренних целей или нормативных оснований коммуникации. Таким образом, коммуникация вовсе не является саморазумеющимся фактом функционирования системы. Коммуникация отражает факт социально признанного взаимодействия. В данном случае речь идет о том, что мы не можем задать некий единый способ описания и управления коммуникацией хотя бы в силу того, что в коммуникативном процессе велико значение случайных факторов. С одной стороны, коммуникация – это очевидность, с которой мы имеем дело как в реальности, так и в процессе исследования общества, с другой стороны, коммуникация определяется факторами, которые в свою очередь не поддаются управлению. Таким образом, о коммуникации мы можем судить лишь исходя из состояния и параметров системы, вариативность которых определяет специфику современной коммуникации [2].

Луман определяет характер коммуникации и, соответственно, способ, которым субъекты достигают взаимопонимания путем анализа составляющих коммуникативного процесса: информации, сообщения и понимания. В связи с этим встает вопрос, что является решающим фактором для достижения взаимопонимания? Как изменяются процессы понимания в информационном обществе? В зависимости от ответа на

этот вопрос мы можем судить об эвристических возможностях вышеупомянутых моделей коммуникации.

Хабермас определяет механизмы коммуникации, исходя из внутренней структуры языка: субъекты вступают в коммуникацию, стремясь достигнуть взаимопонимания или консенсуса. Схема консенсуса предопределяет динамику коммуникации: субъекты стремятся к достижению согласия, и, несмотря на то, что согласие не всегда достижимо, данная интенция определяет суть коммуникативного процесса. В качестве схемы достижения консенсуса выступает принцип коммуникативной рациональности, который предполагает возможность аргументирования высказывания. Консенсус как идеальная модель коммуникации задает модель социального действия в современном информационном обществе: согласие относительно значимости собственных притязаний предполагает согласие относительно мира как горизонта коммуникации, и в этом смысле искажения в коммуникации рассматриваются как способ отклонения идеальной модели.

Луман исходит из принципиально иной посылки: коммуникация не есть некое целенаправленное, консенсус представляет собой лишь идеальную модель, схему, которая не отражает реальные процессы коммуникации. Луман исходит из утверждения о невероятности коммуникации в информационном обществе. Если Хабермас, определяя нормативные основания теории коммуникации, определяет коммуникацию как воплощение прагматической функции языка, то соответственно он не рассматривает фактор возникновения информации как значимый для коммуникации. Технические аспекты современной коммуникации, расширение сферы электронной коммуникации не изменяют сущности коммуникации, поскольку это есть проявление системных механизмов современного общества, в частности *massenmedien*. Определяя жизненный мир в качестве некоего горизонта коммуникации, Хабермас рассматривает неустранимость предпосылочности жизненного мира и историчность коммуникации и коммуникативных механизмов языка. Система является внешним механизмом по отношению к коммуникации, поэтому Хабермас не рассматривает ее как релевантный фактор коммуникации.

Анализируя коммуникацию в рамках теории систем, Луман определяет культуру, жизненный мир как подсистему общества. Соответственно, жизненный мир лишь фактор коммуникации, так как процессы информатизации приводят к изменению как социальной системы, так и подсистем общества. Луман рассматривает в качестве значимого фактора коммуникации, и в этом смысле концепция коммуникации осмыслена с позиции тех преобразований, которые происходят в современном социальном пространстве: «Информация же не является стабильной,

переносимой и сохраняемой сущностью. Она представляет собой, скорее, событие, которое, актуализируясь, теряет характер информации. Следовательно, хотя информацию производит знание, ее необходимо отличать от (переносимого) знания. Интерес к информации связан со стремлением к неожиданному. Информация является различием между тем, что могло бы быть, и тем, что происходит или сообщается. В качестве различения информация не имеет ни измерений, в пределах которых она могла бы варьировать, ни местоположения, где ее можно было бы обнаружить. Возможно лишь выделить систему, которая занимается ее обработкой. Этим ни в коем случае не оспаривается то, что информация может быть эффективной. Эффект следует отнести как раз к различению, которым она является, а не к каким бы то ни было «силам» [4].

Таким образом, характер и типика современной коммуникации определяются как свойствами системы, так и множеством случайных факторов, имеющих место в информационном обществе. Луман полагает, что различение понятий знания и информации не является принципиальным для исследования коммуникации. Любая информация рассматривается через различение события и представления, поэтому информация «случается» в информационном обществе, ее избыточность приводит к еще большей неопределенности. Нормативная схема описания коммуникации не отражает реального положения дел в информационном обществе. В качестве релевантного фактора выступают системы управления коммуникацией – «масс-медиа» [1].

Применяя системный анализ к исследованию коммуникации, речь идет о «принятии решений», а не о неких системах действия [4]. Исследование коммуникации в информационном обществе происходит путем описания систем управления коммуникацией. Проблема исследования коммуникации сводится к проблеме наблюдения и управления коммуникацией: «Сходные наблюдения возникают и в совершенно иной сфере. Речь идет о разного рода терапевтических вмешательствах, будь то индивидуальная, семейная терапия, или консультирование организаций. При этом необходимо исходить из того, что не существует техник вмешательства, которые могли бы заранее определить ресурсы, необходимые для терапии (информацию), распознать возможные ошибки и избежать их, так как они работают с конструктами проблем. Состояние или поведение, которые рассматриваются как патологические или ведут к неудовлетворительным результатам, реконструируются как решение проблемы, которая могла бы быть решена лучше каким-либо иным способом. При второй, третьей попытке вмешательства система каждый раз должна быть описана заново» [4] .

Таким образом, речь идет о «самонаблюдении и описании систем», когда описание коммуникации позволяет судить об отношениях внутри подсистем общества. Однако теория Лумана, являясь по сути дела описанием, не раскрывает причин возникновения искажений и патологий коммуникации. Тем самым снимается вопрос об оптимизации коммуникативных процессов. Если Хабермас рассматривает коммуникацию с позиции нормативных оснований, то реальные процессы коммуникации анализируются с позиции идеальной модели коммуникации.

По сути дела, Луман и Хабермас раскрывают различные аспекты современной коммуникации: содержательный и функциональный. Как феномен языка коммуникация есть способ реализации коммуникативного потенциала языка. Однако реальное функционирование коммуникации определяется внешними по отношению к языку системными механизмами: политической, экономической, масс-медиа. Характер этого влияния не внешний, как полагает Хабермас, а сущностный. Поэтому теория коммуникативного действия не описывает реальные процессы коммуникации, происходящие в информационном обществе.

Можно сделать вывод, что аутентичная теория общества не может быть определена в рамках некой единой теории. Специфика современной коммуникации предполагает артикулирование принципиально различных аспектов социальной теории. Сложность, неоднозначность современных коммуникативных процессов делают невозможным создание некой универсальной теории коммуникации. Нормативные основания коммуникации как экспликация коммуникативного потенциала языковых структур позволяет рассматривать реальную коммуникацию с позиций некоего должностования. Исследование коммуникации с позиции теории систем раскрывает системные характеристики современной коммуникации. Системность выступает как некая онтологическая характеристика современной коммуникации, поэтому не может рассматриваться как некое внешнее свойство коммуникации. Следовательно, возможно синтезирование данных подходов в рамках социального исследования. Синтез теории коммуникации и системной теории позволяет выявить как трансцендентные, так и имманентные характеристики современной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Луман Н. Медиа распространения информации: резюме/ <http://www.nosis.ru/media/luman.html>
2. Луман Н. Невероятность коммуникации/ http://www.soc.pu.ru:8101/publications/pts/luman_c.html
3. Луман Н. Понятие общества// http://www.soc.pu.ru:8101/materials/golovin/reader/luhmann/r_luhmann1.html

4. Луман Н. Решения в информационном обществе/ http://www.i-u/biblio/archive/noname_hrestpoinf/3.aspx
5. Фурс В. Парадигма критической теории: попытка экспликации/ [http:// www. ruthenia. ru/logos/number/2001_2/03_2_2001.htm](http://www.ruthenia.ru/logos/number/2001_2/03_2_2001.htm)
6. Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма/ <http://zn1.boom.ru/bibl/Hbrms.htm>
7. McCarty T. Kritik der Verstaendigungverhaeltnisse. Frankfurt am Main, 1989.
8. Habermas J. Der philosophische Diskurs der Moderne: Zwölf Vorlesungen. Frankfurt am Main, 1985.
9. Habermas J. Theorie des Kommunikativen Handelns. 2 Bdn. Frankfurt am Main, 1997.
10. Horster D. Habermas zur Einfuehrung. Hannover, 1980.